

А.Л. Юрганов

«КРУШЕНИЕ ГУМАНИЗМА».

ДОКЛАД АЛЕКСАНДРА БЛОКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается доклад А.А. Блока «Крушение гуманизма», положивший начало деятельности Вольной Философской Ассоциации. Великий поэт выразил свое отношение к революции, что вызвало неоднозначные суждения современников. Вопрос об источниках и идеях, которые могли послужить к написанию оригинального текста, поставлен давно. В научной литературе отмечена внешняя близость этого доклада и книги под названием «Против цивилизации», написанной Е. Полетаевым и Н. Пуниным. Но эту связь трактуют, как несущественную в понимании оригинального содержания доклада: утверждается, что Блок, дважды прочитав эту книгу, оставил на полях многие и разные знаки своего внимания лишь потому, что был не согласен с авторами, близкими по духу пролеткультовцам и футуристам. В самом деле, конечные идеи этой книги о «машинизации» как цели будущего, не были ему близки. Изучение текстов доклада и книги показывает, что Блок, не соглашаясь признавать утопическую картину футуристов, шел по тому же пути различения того, что есть «культура» и что есть «цивилизация». Исследование показывает идейную связь (в том числе и прямую текстологическую) в аргументации того, почему в мировой истории произошло «крушение гуманизма».*

***Ключевые слова:** Вольная Философская Ассоциация (ВОЛЬФИЛА); А.А. Блок; М. Горький; А.В. Луначарский; модернизм; скифство; русская революция.*

**Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).
Россия, Москва.**

E-mail: iurganov@yandex.ru.

Web of Science Researcher ID: ABF-7584–2020

Yurganov A.L.

**«The Collapse of Humanism»: an Analysis of Alexander Blok's Report
within Historical and Cultural Contexts**

***Abstract.** This study examines A.A. Blok's report, «The Collapse of Humanism,» which served as the catalyst for the Free Philosophical Association's activities. The distinguished poet's reflections on the revolution provoked a range of responses from his contemporaries. The inquiry into the sources and ideas that may have inspired the original text has persisted*

for many years. Academic literature has identified an external similarity between this report and the book «Against Civilization» by E. Poletaev and N. Punin. However, this similarity is deemed insignificant in understanding the report's original content. It is maintained that Blok, having read the book twice, left numerous marginal notes to signify his dissent from the authors, who were ideologically sympathetic to the Proletkult and futurist movements.

Indeed, the fundamental concepts of this book regarding «mechanization» as the ultimate goal of the future were not aligned with Blok's views. The textual analysis of both the report and the book shows that Blok, while not endorsing the Futurists' utopian vision, followed a similar path in distinguishing «culture» from «civilization». This study highlights an ideological connection, including direct textual evidence, in the argumentation for the «collapse of humanism» in world history.

Keywords: Free Philosophical Association (VOLFILA); A.A. Blok; M. Gorky; A.V. Lunacharsky; modernism; Scythianism; Russian Revolution.

**Yurganov Andrey Lvovich – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU). Russia, Moscow.
E-mail: iurganov@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020**

16 ноября 1919 г. состоялось первое заседание Вольной Философской Ассоциации (ВФА). Власть большевиков долго мялась, но в конце концов позволила деятелям русской культуры собраться в организацию. Была утверждена именно «Вольная» ассоциация, а не «Свободная». Отсылка ко временам Екатерины Второй была не случайной, а продуманной: тем, кто решил существовать при диктатуре пролетариата, хотелось иметь вольность как личное самовластие в исповедании своей философии. Арестами, расстрелами, угрозами власть дала понять, каковы последствия любых противозаконных действий. Вольность же – атрибут личности, считающей, что в философии, как и в культуре, все законно, что окрашено творчеством.

Первый доклад сделал Александр Блок. Ему было дано право высказаться о том, каковы *теперь* приоритеты деятелей русской культуры. Как *теперь*, в условиях диктатуры победившего пролетариата, понимать самих себя. Провокативным оказалось и название доклада – «Крушение гуманизма».

По воспоминаниям А. Штейнберга, участника этого первого заседания, никто не помогал Ассоциации – ни уличными афишами, ни помещением. Хотя объявление о докладе было опубликовано в петроградской газете «Известия» [Белоус 2005, с. 79]. Предупреждали рассылкой писем, и если бы не Р.В. Иванов-Разумник, организатор и вдохновитель этого мероприятия, то едва ли удалось бы найти помещение для первого заседания. В здании издательства «Колос» на Литейном проспекте собралось около 50 человек [Штейнберг 1991, с. 45]. Пришел Дмитрий Сергеевич Мережковский, не считавший себя обязанным участвовать в организации ВФА. Пришли литераторы, студенты.

В Петрограде было холодно, Блок читал в фуфайке, из его рта шел пар. Голодные, замершие люди слушали доклад странного содержания: будто в насмешку над всем, что угрожало физическому существованию, великий поэт говорил, что «у нас было слишком много цивилизации» [Чуковский 1991, 125]. Корней Чуковский, посетивший первое заседание ВФА, написал в дневнике, что собрались «какие-то бывшие люди» [там же].

Однако доклад слушали внимательно. К. Федин (после смерти А. Блока) отмечал, что, несмотря на жуткий холод и голод в Петрограде, когда впору было думать о ночлеге и пище, когда ужас происходящего мог легко парализовать волю, а паника и страх никак не способствовали сосредоточенности ума, никто не ушел, пока Блок читал свой доклад, в котором говорилось о ненужности цивилизации и необходимости быть культурными в своей какой-то таинственной музыкальности [Федин 1921, с. 23]. Федин уловил противоречие между хаосом на улице и внутренним порядком в поведении великого поэта, не замечавшего трудностей при произнесении доклада: «Был он высокий, и страх не окутал его, а кружился вихрем вокруг ступней его и под ним. И хорошо было, что он снял с себя шубу, и что пальцы его ровно перебирали листки рукописи, и что был он, как всегда медлителен и прям: ведь стоял он над всеми, кто одержим страстью спастись в эти грозные дни» [там же].

Первоначально этот доклад, написанный поэтом в марте-апреле 1919 г., был прочитан 9 апреля того же года в издательстве «Всемирная литература». Среди тех, кто пришел послушать Блока, но не поэта, а литературного критика, было несколько знаковых фигур: это А.М. Горький, Н.С. Гумилев, Иванов-Разумник, академик С.Ф. Ольденбург, А.Л. Волынский, Ф.Д. Батюшков и др. Как написал в своем дневнике Андрей Белый, «впечатление от доклада было очень неблагоприятное; “старики” нахмурились; Горький говорил, что никакого крушения гуманизма нет; все это бредни, а есть другая опасность: мужик идет на культуру городов, которую мы, интеллигенция, должны защищать» [Андрей Белый о Блоке 1997, с. 474]. Гумилев подошел к Блоку и сказал, что лучше ему заняться ритмикою стиха, чем тратить время на бесполезные споры.

Горький вспоминал потом, что «Блок, читая, напоминал ребенка сказки, заблудившегося в лесу: он чувствует приближение чудовищ из тьмы и лепечет навстречу им какие-то заклинания, ожидая, что это испугает их. Когда он перелистывал рукопись, пальцы его дрожали. Я не понял: печалит его факт падения гуманизма или радуется?..» [Горький 1973, с. 23].

Еще одно утверждение Блока поставило Горького в тупик: «Некоторые мысли доклада показались мне недостаточно продуманными, например: “Цивилизовать массу и невозможно, и не нужно” <...> Говорить же о невозможности и ненужности цивилизации для русского народа – это, очевидно, “скифство” – и я это понимаю, как уступку органической антигосударственности русской массы. И зачем Блоку “скифство”?» [там же, с. 223–224].

В самом деле, по какой причине цивилизовать массу невозможно и почему, с точки зрения поэта, это правильно? Почему Блок столь резко противопоставил в докладе два ключевых понятия – «цивилизацию» и «культуру»? Почему, принимая «культуру» не в виде достижений, а как дух музыки в движении «масс», он отвергал цивилизацию, в которой максимально выражались достижения культуры? И так ли уж Блок «ребенок», чтобы не понимать, что он идет по определенной дороге и к определенному смыслу?

Новая дихотомия

После смерти Блока в 1921 г. участники первого заседания ВФА стали вспоминать это событие, удивляясь прозорливому взгляду великого поэта. Но вспоминали не столько его мысли, сколько чувство тревожности, охватившее людей. Никак не забывалась прозвучавшая нота античной трагедии, которую, как и во времена Еврипида, нельзя преодолеть, не чувствуя ее необходимости.

Как же сформировалась такая лексико-семантическая пара антагонистов в творчестве Блока?

В 1980 г. была опубликована статья Н.Н. Примочкиной, в которой разбиралась коллизия этих понятий [Примочкина 2010, с. 46–53]. Исследовательница отметила, что Д.Е. Максимов в статье «Критическая проза Блока» отнес разграничение понятий культуры и цивилизации к 1909 г. Вывод этот основывался на заметке Блока, «сделанной на копии письма, полученного им от В. Розанова 19 февраля 1909 г. Однако, как выяснилось позже, эта копия розановского письма и заметка на ее полях сделаны Блоком не в 1909, а в 1919 г. для дочери Розанова Н.В. Розановой, подготавливавшей после смерти отца сборник материалов и воспоминаний о нем» [там же, с. 47]. В этой пометке на полях Блок имел в виду книгу Полетаева и Пунина «Против цивилизации», вышедшую в Петрограде в 1918 г.

Несмотря на этот курьез, Н.Н. Примочкина считала, что «на самом деле Блок впервые разграничил понятия «культура» и «цивилизация» в 1911 г. в письме к матери из Франции. Поездки по Европе летом 1909 и 1911 гг. сыграли большую роль в оформлении концепции Блока, так как именно в индустриально развитых странах Запада он увидел уродливые проявления современной цивилизации в их наиболее обнаженной, яркой форме. «Я, – сообщал в упомянутом письме Блок, – как истинный русский все время улыбаюсь зловредно на цивилизацию дредноутов, дантистов и *puselles*... Над всем этим стоит культура... Ее я и поеду смотреть, начиная с покачнувшегося иконостаса *Quimper'a*»» [там же, с. 48].

Позволю себе не согласиться с такой трактовкой. «Разграничение» этих двух понятий не нуждается в контекстуальном подтверждении, – эти слова изначально разные, они отграничены без всяких усилий интерпретатора: культура – это одно, а цивилизация – это другое. Зачем искать их «разграничения»?

Речь идет о том, что в докладе Блока они были концептуально *противопоставлены* друг другу, образуя новую дихотомию.

Н.Н. Примочкина согласилась с мнением Максимова, что «толчком» к написанию доклада могла послужить книга Полетаева и Пунина «Против цивилизации». Но... это был только полемический отклик на книгу – и ничего более, потому что поэт и сам, без помощи адептов Пролеткульта и футуристов, «разграничивал» эти понятия.

Обратимся к аргументам Максимова:

«Указанную книгу Блок читал не менее двух раз. Экземпляр названной книги с отметками Блока... сохранился в его библиотеке. Другой экземпляр той же книги с еще большим количеством блоковских отметок, *выражающих несогласие* (? – А. Ю.) с мыслями ее авторов, был подарен поэтом Р.В. Иванову» [Максимов 1972, с. 52].

Почему многочисленные пометы на полях книги Полетаева и Пунина следует рассматривать только как несогласие? Разве знак «надо запомнить» говорит лишь о полемике? [Библиотека А.А. Блока 1985, с. 197–198]. Как бы ни острил Блок в отношении «пунинобабуринской» культуры, он же сам написал, что книга – «интересный симптом».

В литературе замечена схожесть противопоставления цивилизации и культуры в докладе «Крушение гуманизма» и в знаменитой работе О. Шпенглера «Закат Европы» (1918). Однако Блок не знал эту работу – шла Первая мировая война, немецкие книги были недоступны, а русский перевод был опубликован уже после смерти поэта.

Шпенглер писал: «Культура и цивилизация, это живое тело души и ее мушья...» [Шпенглер 1923, с. 30]. Такого рода концептуальные высказывания о противоположности культуры и цивилизации, как выясняется, не были авторской новацией. Едва ли не вся философская общественность Европы обвиняла Шпенглера в плагиате этой дихотомии [там же, с. 17].

Естественно думать, что Блок, будучи поэтом, а не философом, мог сблизиться со Шпенглером потому лишь, что дважды прочитал книгу Полетаева и Пунина, взяв из нее саму идею о дихотомии цивилизации и культуры. Полетаев и Пунин были трансляторами философских идей Германии на русской почве. Во всяком случае, нельзя бездоказательно утверждать, что между докладом Блока и книгой «Против цивилизации» нет содержательной связи потому только, что поэт не разделял взгляды пролеткультистов и футуристов [Юрганов 2018].

Блок, разумеется, не был сторонником «прогрессивной механизации человеческой деятельности», о которой писали Полетаев и Пунин. Однако вся их книга – не только об этом [Примочкина 1978, с. 157–167]: речь в ней идет о законах исторического движения через отмирание прежней цивилизации и утверждение новой культуры. Полетаев и Пунин были левыми радикалами-идеалистами, а не ортодоксальными марксистами.

Семантико-текстологический аспект дихотомии

Если сравнивать текст доклада Блока и книгу «Против цивилизации», то можно найти не только общие мотивы, но и текстологическую близость, доказывающую, что поэт не отвергал концепцию революционного движения мирового духа, представленную в книге Полетаева и Пунина.

Дихотомия культуры и цивилизации заключает в себе исходный тезис, что «цивилизация» – это застывшая форма культуры, тогда как сама культура – это «всегда процесс, движение – изменение» [Полетаев, Пунин 1918, с. 25].

Можно сказать, что эти понятия противоположны по одному лишь критерию: в «цивилизации» закончилось творчество, а в «культуре» оно никогда не умирает. Авторы книги поясняли, что «культура для нас *не замкнутое в себе, неподвижное, аналитически предрешенное на вечные времена* (курсив мой. – А. Ю.) совершенство прославленных основ. По нашему разумению, культуру нельзя понимать иначе, как бесконечный и синтезирующий процесс активного приспособления к космосу, т. е. как организованное интенсивное творчество» [там же, с. 26]. Если изъять слово «организованное» (творчество), и заменить на «стихийное» (творчество), то можно смело утверждать, что при такой поправке между авторами книги и концептуальным содержанием доклада Блока нет никаких расхождений (см. табл. 1).

Прогресс – всегда только в культуре, и это всегда освобождение от груза застывшей в неподвижности прежней культуры. Политическая тенденция книги и доклада Блока совпадают в том, что в основной элемент европейской «цивилизации» – частная (личная) собственность – изживается новой культурой: для Полетаева и Пунина – это механизация общества, при которой будет господствовать организованное коллективное начало, для Блока – это стихия народного творчества, не имеющая рационального завершения, это вечный бунт народных масс.

Таблица 1

«Против цивилизации»	«Крушение гуманизма»
«Всякий прогресс есть освобождение от мертвого груза традиций. Седая древность какого-нибудь принципа, вроде, например, «священного» принципа частной собственности – в наших глазах не делает его ни более ценным, ни особенно убедительным, если его отвергает новая действительность и современная наука. Мы смотрим не назад, а вперед» (Полетаев, Пунин 1918, с. 27).	«...цивилизация уже не является материком, а группой островов, которые могут быть скоро залиты сокрушительным потоком; что драгоценнейшие, с точки зрения гуманитарной, этические, эстетические, правовые продукты цивилизации, вроде личной собственности , Реймского собора, международного права – или смыты потоком, или находятся в положении угрожаемом» (Белоус 2005, с. 113).

Для Блока главная проблема это «отвердевшая» цивилизация Ренессанса, это европейский гуманизм. Читая книгу Полетаева и Пунина, поэт подчеркивал те места, которые его интересовали. Вот одно из них, касающееся Ренессанса:

«Вследствие этого творчество Ренессанса лишено организованности и того подлинного напряжения, которое одно только и характеризует культуру; движение было стихийным и беспорядочным; нет ни одного случая во всей истории итальянского Возрождения, когда бы принцип механизации регулировал творческую силу Ренессанса» [Полетаев, Пунин 1918, с. 8].

А теперь сравним это суждение авторов книги с тем, что написал сам Блок о причинах крушения Ренессанса. Нет здесь прямой текстологической зависимости, но смысловая связь удивляет сходством. Причины и там, и там – общие: это потеря целостности, дробление путей развития, крайний индивидуализм.

«Просвещенное человечество пошло сразу сотней путей – политических, правовых, научных, художественных, философских, этнических; и каждый из этих путей все более удалялся от другого, некогда смежного с ним; каждый из них, в свою очередь, разбивался на сотни маленьких дорожек, уводящих в разные стороны, разлучающих людей, которые при встречах начинали уже чувствовать друг в друге врагов» [Белоус 2005, с. 102].

Полетаев и Пунин ставили германскую культуру как форму культурного прогресса выше всей европейской цивилизации. Сказать такое во время войны совсем не просто. Но у авторов книги – целая концепция, почему именно германский народ несет в себе культуру (прогресс), тогда как европейская культура (англо-французская) стала мертвой цивилизацией.

Нижеследующее высказывание Блок пометил карандашом слева:

«Два мира встали друг против друга на рубеже XX века – *организованный на творчество со стремлением обладать культурой мир германский и одержимый желанием счастья англо-французский мир* (курсив мой. – А. Ю.). В этом противопоставлении нет случайностей, в этом противопоставлении все традиционно; Франция и Англия всей своей историей осуществляют идею цивилизации, Германия издавна встала на путях культуры» [Полетаев, Пунин 1918, с. 60].

Полетаев и Пунин не только противопоставляли культуру германского народа омертвевшей англо-французской цивилизации, но также дополняли свой анализ введением понятий «раса» и «расовая культура» [Рыков 2016, с. 240–258]. Едва ли подобные суждения можно отнести к числу заурядных...

Обратимся к докладу Блока.

«Я различаю еще в той борьбе, которой наполнен XIX век, как будто преобладание *работы рас германской и отчасти славянской* – и, наоборот – молчание рас романской и англосаксонской...» [Белоус 2005, с. 115].

В докладе Блока речь идет о том, что исторический прогресс осуществляется именно через германскую культуру, это и составляет смысл тезиса о культурном «преобладании» работы германской расы.

Между книгой и докладом существует прямая текстологическая связь. Полетаев и Пунин, анализируя германскую культуру, увидели в ней поворот

от мира цивилизации к новой «интенсивной культуре», и этот поворот они выразили через «Фауста» Гёте. В первой части – старый мир, во второй части – призыв к «синтетическому творчеству». Что же мы видим у Блока? Та же аргументация – переход от умирающего гуманизма ко второй части «Фауста» – «музыке масс» (см. табл. 2).

Таблица 2

«Против цивилизации»	«Крушение гуманизма»
«Первая часть «Фауста» покончила бесповоротно с волшебным миром цивилизации. Вторая часть пророчествовала о богатой интенсивной культуре , звала от наслаждения к труду, от размышления к суровой борьбе, от индивидуального анализа к коллективному, синтетическому творчеству» (Полетаев, Пунин, с. 109).	«Гёте – столько же конец, сколько начало. В его застывшем образе умирающий гуманизм (индивидуализм, античность, связь науки с искусством) как бы пронизан той музыкой, которая поднимается из туманной бездны будущего – музыкой масс (<i>II часть Фауста</i>)» (Белоус, с. 92).

Доклад А. Блока: герменевтический аспект

Чтобы понять содержание доклада Блока, следует обратиться к его терминологии. Она необычна, имеет мифопоэтическую основу, и выражает собой идеи в размытых смысловых контурах.

«**Дух музыки**» – главный концепт, вокруг которого выстраиваются все прочие понятия и термины. Речь идет не о музыке как таковой, а о ее «духе». Иначе говоря, Блок использует слово музыка, чтобы с его помощью создать нужный ему *ассоциативный* смысл.

Логика рассуждений такова: Ренессанс – это европейский гуманизм; гуманизм – это индивидуализм. Время существования его с XIV по XVIII в. Дух музыки этой эпохи выражался в творчестве свободной личности, и гармония была до тех пор, пока «исходной точкой и конечной целью» была именно человеческая личность как «главный двигатель европейской культуры». Эта гармония основывалась на «духе музыки» принятого «гуманизма», в котором изначально присутствовало презрение к грубой и невежественной толпе. Блок вводит понятие «оркестр» – опять же не буквальное, а взятое для иллюстрации слышимых «голосов». Так вот в «оркестре» эпохи гуманизма не было преобладания голоса масс. В книге Полетаева и Пунина это состояние определялось через первую часть «Фауста» – что и повторил Блок.

Как и в книге «Против цивилизации», в построении Блока кризис гуманизма наступил в эпоху Реформации. Прозвучали «новые песни».

«Дух музыки» в рассмотрении Блока – это ритмы (периоды) мировой истории. Музыкально-ритмическое начало необходимо, чтобы оттенить в ассоциации оркестровое единство. Переход от одной эпохи к другой – не через

цивилизацию, которая превращается в омертвевшее тело культуры, а через революцию – она же «культура», она же «дух музыки». В цивилизации нет музыкальности, ибо всякая затвердевшая в своих началах прежняя культура становится косной, и только «дух музыки» – дух революции и перемен, никогда не умирающий – зовет в будущее, чтобы в нем установить новую гармонию всех элементов, созвучных между собой как хорошо организованный оркестр.

Вот почему Блок писал, что «никогда в мире никакая масса не была затронута цивилизацией»: в «массе» и «толпе» все ходит и бродит как нечто неопределенное, еще не затвердевшее, революционное. Вот почему «цивиловать массу не только невозможно, но и не нужно»: сила народного брожения творит все заново, без оглядки на устоявшееся.

При всей склонности Блока к музыкальной теме, не следует игнорировать и то, что в книге Полетаева и Пунина, написанной в другом стилистическом ключе, тоже говорится о переменах в мировой истории как о ритмических колебаниях: «Может быть, приоткрыв тайну грядущей культуры и подчиняясь закону *ритмических колебаний в историческом процессе* (курсив мой. – А. Ю.), и германский народ уступит руководящую роль другому, более юному, более творческому народу» [Полетаев, Пунин 1918, с. 127].

«Равновесие» и «цельность» – центральные термины доклада, которые были необходимы Блоку для объяснения перехода от одной эпохи к другой. Равновесие понималось им как отношения между человеком и природой, между жизнью и искусством, между наукой и музыкой, между цивилизацией и культурой. Ренессанс или гуманизм имел свое равновесие, был долгое время цельным, но в эпоху Реформации гуманизм нарушил свой стиль, свой ритм – и тогда он утратил цельность и равновесие. Возникла косность, а в недрах мертвоющей цивилизации уже зрел бунт – пробуждались «свежие варварские массы», возникло дробление, разделение – исчезал дух цельности, «музыкальной спаянности». Блок исходил из некоей «музыкальной сущности мира» – она для него пребывает в природной стихии. Чтобы приблизиться к этой сущности необходимо особое равновесие: «устроенное тело и устроенный дух». Мировую музыку можно услышать только «всем телом и всем духом вместе». Блок подчеркивал: «Утрата равновесия телесного и духовного неминуемо лишает нас музыкального слуха» [Белоус 2005, с. 100].

Социальные явления Блок уподобляет природной стихии. Варварские массы, как проснувшиеся вулканы, меняют мир устоявшейся цивилизации в сторону новой культуры. Он приводит пример: Римская империя окончательно погибла лишь в V в. н. э., но до этого «ее сотрясали постоянные музыкальные бури». Кто их выражал? Тацит! Таков ход мыслей Блока, – у всякой музыкальной стихии имеется свой выразитель, которому дано рассказать о свойствах надвигающейся бури. Что же воспевал Тацит? «Тацит пел мощь и свежесть грядущей в мир варварской расы... Это значило, что смертный приговор рим-

ской цивилизации уже произнесен... действовала уже другая, новая сила, хранившаяся до времени под землей» [Белоус 2005, с. 101].

Этот пример близок к тому, о чем писали Полетаев и Пунин. Совпадение не может быть случайным, потому что и для Блока, и для авторов книги очевидно, что цивилизация в мировой истории проигрывает варварам, формируя новую культуру. Общая концептуальная основа сравнения порождает и сходные объяснения.

Блок подчеркнул этот текст книги волнистой чертой: «В то время как Галлия, истощенная германскими нападениями и особенно тяжелыми войнами с Цезарем, очень скоро сделалась одной из самых раболопных римских провинций, германский народ, отстояв свою национальную свободу, вступил в общение с высшей, но чуждой цивилизацией, как свободный и как победитель» [Полетаев, Пунин 1918, с. 93].

Как Римская империя погибла под ударами варваров, так и Ренессанс умирал от социальных, религиозных потрясений, потеряв «дух целостности, дух музыки». XIX век – время не-целостности, раздробленности. Вместо единой дороги возникают многие пути, дорожки, которые создают вражду в людях. Внутреннее дробление касается всего: науки – она отделяется от мира армией специалистов, не понимающих друг друга; «натуралисты воюют с филологами, представители одних дисциплин – с представителями других. Все эти маленькие внутренние гражданские войны разбивают силы воюющих сторон, каждая из которых продолжает писать на своих знаменах старые гуманистические лозунги. Предлог для разделения и раздоров – многообразие научных поприщ, открывшихся перед человечеством, но тайная причина их – все та же оставленность духом музыки...» [Белоус 2005, с. 103]. Блок писал:

«Все искусства разлучаются между собою; хоровод Муз становится немислим, ибо скульптор уже не понимает живописца, живописец – музыканта, и все трое – писателя, который трактуется как поставщик чего-то грузного, питательного, умственного и гуманного – в отличие от легкомысленных художников... Все множественно, все не спаянно; не стало цемента, потребного для спайки: дух музыки отлетел» [там же, с. 106].

Казалось бы, язык Блока – уникальный, мифопоэтический, он ни на что не похож в своей попытке выразить логику мирового развития. Отчасти это так. Но если посмотреть на логику объяснения мировой истории в книге Полетаева и Пунина, то можно найти среди терминологического инструментария те самые понятия, которое активно использует Блок, – равновесие, цельность / целостность.

Вот что сказано в книге о «равновесии» как о стремлении к целостности: «Весь синтез гегельянства есть *преодоление антитезы* (курсив мой. – А. Ю.) человека и Природы с одной стороны, индивида и общества – с другой» [Полетаев, Пунин 1918, с. 111]. И еще – подчеркнутое Блоком: «Немецкая мысль

всегда работала над синтезом двух основных мировоззрений Востока и Запада. Именно германская мысль с особенным упорством стремилась формулировать *синтез основных противоположений нашего мышления: мысли и материи, Человека и Природы* (курсив мой. – А. Ю.)» [Полетаев, Пунин 1918, с. 120].

В нижеследующем фрагменте книги мы видим использование авторами этих двух понятий – уже в концептуальном единстве:

«Соблазняя человечество, Англия вместо последовательно и планомерно организованного целого, в котором использованы все энергии, механизированные и мобилизованные по принципу научного знания, предлагает свою индивидуалистическую, анархическую, дифференцированную концепцию, лишенную единства, системы и напряжения. Вместо целого, организованного на творчество, организацию на торговлю, свободу в выборе средств к благоденствию, методы обогащения и психологию посредственности – вместо методов изобретения и состояния насыщенной и напряженной творческой воли: цивилизацию вместо культуры. Этот **полисмен мира** (подчеркнуто Блоком. – А. Ю.), следящий за всеми усилиями народов, за всяким наращиванием энергии и (далее – слева подчеркнуто Блоком) нарушением *неудобных ему равновесий* (курсив мой. – А. Ю.), покрывает своей нивелирующей мировой политикой все, что только поднялось над уровнем средних вожделений» [там же, с. 74].

Блок подчеркивает те места, где речь идет об энергии в историческом процессе: «Крайне невыгодным ближайшим результатом цивилизации должно считать всюду колоссальную *убыль энергии*, которая идет на поддержание всех кладбищ и покойников истории, всех этих “священных” принципов, завещанных нам историей, и их знаменосцев в цивилизованных обществах» [там же, с. 56].

Если энергия цивилизации убавляется, то это, согласно Блоку, – следствие индивидуализма. О том же самом пишут и авторы книги: «Такой индивид, по необходимости обостряя хронические противоречия общественности, распыляет свою энергию на их преодоление, в известной степени prostituiрует ее на службе интересам частных лиц, и в итоге дает ничтожную работу, сравнительно с той, которую мог дать его творческий потенциал, при наличности социальных форм, организованных на творчества в интересах целого» [Полетаев, Пунин, 1918 с. 56]. Как думает Блок, так думают и авторы книги: «Цивилизованные общества знают, что у них нет реального содержания, потому что нет единства, *нет цельности* (курсив мой. – А. Ю.), нет глубины» [там же, с. 52].

Блок считал, что ответом на раздробленность становится революция – она несет в себе новый синтез: этот «волевой, музыкальный, синтетический ее порыв *всегда оказывается неопределимым* (курсив мой. – А. Ю.), не вводимым ни в какие русла» [Белоус 2005, с. 105]. Кто же теперь лично выражает «синте-

тические порывы»? Для Блока это Вагнер. Но поэт не ограничивается великим композитором, – он видит в нем прежде всего германский дух музыкальной стихии – дух движения, революции.

Так возникает прямое столкновение цивилизации (омертвевшей культуры) и культуры (как стихийного движения масс): «Рассматривая культурную историю XIX века как историю борьбы духа гуманной цивилизации с духом музыки, мы должны были бы переоценить многое и извлечь из громадного наследия то, что действительно нужно то, что *относится к культуре; и нам не особенно нужно то, что относится к цивилизации* (курсив мой. – А. Ю.)» [Белоус 2005, с. 110].

«Время» и «равновесие» – это один из самых размытых мотивов доклада Блока. Разлучение с «духом музыки» – следствие «духовного изнеможения носителей гуманизма» [там же, с. 99]. Блок назвал Канта «лукавейшим и сумасшедшим мистиком», ибо он поставил «во главу своего учения учение о пространстве и времени». В чем же лукавство философа? Кант «поставил пределы человеческому познанию, сооружая страшную гносеологию». Но в своем учении о времени и пространстве он оказался «безумным артистом, чудовищным революционером» [там же, с. 99–100]. Он ощущал два времени – одно календарное, исчисляемое, а другое – неисчислимое, «музыкальное».

Блок полагал, что исчисляемое время и пространство присущи цивилизации: «Нам не нужно никакого *творческого равновесия* (курсив мой. – А. Ю.) для того, чтобы жить в днях, месяцах и годах; эта ненужность затраты творчества быстро низводит большинство цивилизованных людей на степень обывателей мира». Но, замечает поэт, нам «необходимо равновесие для того, чтобы быть близкими к музыкальной сущности мира – к природе, к стихии...» [там же, с. 100]. Если несколько упростить, то можно сказать, что время обывателей – время, когда цивилизация демонстрирует свою «безмузыкальность», как назвал это состояние Блок, а глядя на звезды (если вспомнить кантовский императив) можно ощутить равновесие культурной эпохи, еще не утратившей своих музыкальных свойств.

Но и эти нестандартные рассуждения великого поэта находят свое соответствие в некоторых пассажах книги Полетаева и Пунина. Блок подчеркнул то место, которое особенно близко его пониманию расщепленного времени: «Франция в наиболее могущественные эпохи своей истории ослепляла, но она никогда не волновала человечества глубоко и продолжительно. Она не умела распространять и углублять влияние своих идей, охотно запечатлевая отдельные удачные моменты и **дробя мировые часы на мелкие единицы** (подчеркнуто под строкой Блоком. – А. Ю.), конструированные характером нации» [Полетаев, Пунин 1918, с. 83].

«Человек – артист» – этот тезис стал заключительным в докладе и вызвал в аудитории вопросы и даже недоумение. Как понять эту «новую роль лич-

ности»? Блок назвал Канта «безумным революционером» – безгранично свободным в «духе музыки». Индивидуализм Ренессанса стал причиной гибели всей эпохи, что же родится в новой? В бурном потоке, как писал поэт, несутся «щепы цивилизации», и намечается «новая роль личности», новая цель движения. Это уже «не этический, не политический, не гуманный человек» [Белоус 2005, с. 115], а человек, которого следует назвать «артистом».

Заключение

Александр Блок не принимал конечных идей Полетаева и Пунина о «машинизации» будущего, но, как показывает сравнительный анализ текстов, он шел по той же дороге, какую предложили леворадикальные мыслители-идеалисты, считавшие, что прогресс сосредоточен в культуре германской и русской, объединенных духом ниспровержения устойчивых и потому застывших форм цивилизации. Блок утверждал непредсказуемое будущее творящего начала природной стихии. Финал не просто открытый – но недоступно для глаз человека открытый в своей стихии утверждать новый мир.

Этим тезисом Блок радикально отличается от позиции авторов книги «Против цивилизации», которые видели целью движения – полную машинизацию коллективного труда и своеобразное завершение самого человеческого развития. Для них – это и есть начало коммунистического будущего, в котором пропадает сама идея противостояния цивилизации и культуры. Разве можно допустить низвержение коммунистической цивилизации? Нет, конечно. А вот Блок, при всей наивности завершающего тезиса, оставался верен принятой дилемме до конца.

Напрасно Горький удивлялся, – зачем поэту «скифство»? Весь доклад Блока и был выражением «Скифского манифеста» 1917 г. Главная сила мировой культуры, считал поэт, это «варварские массы», «хранители культуры», они не владеют ничем, «кроме духа музыки». Две «расы», германская и славянская, способны выступить против «безмузыкальной цивилизации». Особая роль отводится России, в которой только что произошла революция, имеющая мировой масштаб.

Сохранился черновой конспект прений. По нему видно, что поэт пытался уточнить *свою позицию* «художника» по отношению к варварству «духа музыки».

А.А. Гизетти с легким упреком говорил ему: «Не надо преклоняться». Он имел в виду отношение к революции. Блок ответил неожиданно. В докладе он ничего не сказал о том, в каких отношениях находится «человек-артист» и сама эпоха революционной бури. Перенос этой дилеммы на себя показывает, что никакого преклонения перед революционной бурей у него лично нет. Его функция – не преклоняться, а только видеть! Увиденное бесстрастно описывать, не делая оценочных суждений. Блок в прениях оказался более ясным, чем в докладе: «Я

как художник не говорю ни да, ни нет, я – глаза, я – смотрю» [Белоус 2005, с. 116]. Кто бы ни был выразителем духа музыки, он сберегает «Единое на Потребу», – у духа музыки нет собственника, нет классовой принадлежности. Никаким адептом революции в ее по-настоящему варварском виде Блок не был, – он принимал дух перемен, преобразований, которые, как природная стихия, неизбежны.

Он так и сказал, обращаясь к Гизетти: «Я не преклоняюсь перед тем, что есть, и не приветствую того, что есть».

Библиография

Андрей Белый о Блоке. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 606 с.

Белоус В.Г. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924: в 2 т. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. Книга первая. 842 с.

Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 т. Л.: БАН, 1985. Кн. 2. 417 с.

Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 17. 634 с.

Максимов Д.Е. Критическая проза Александра Блока // Блоковский сборник. Тарту, 1972. С. 28–97.

Поletaев Е., Пунин Н. Против цивилизации / предисл. А.В. Луначарского. Пб.: 4-я Государственная Типография, 1918. 138 с.

Примочкина Н.Н. А. Блок и проблема «механизации» культуры (1918–1919 гг.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 2. С. 157–167.

Примочкина Н.Н. Философско-эстетические категории «культура» и «цивилизация» в интерпретации А. Блока // Шахматовский вестник: материалы Блоковских конференций «Стихия и культура» (2008) и «А. Блок и Италия» (2009). М.: Наука, 2010. С. 46–53.

Рыков А. Между консервативной революцией и большевизмом. Тотальная эстетическая мобилизация Николая Пунина // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 240–258.

Федин К. Александр Блок // Книга и революция. 1921. № 1 (13). С. 23–25.

Чуковский К. Дневник. 1901–1929 / подг. текст и комм. Е.Ц. Чуковской. М.: Советский писатель, 1991. 541 с.

Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. Пб.: Academia, 1923. Т. 1. Ч. 1: Причинность и судьба. 212 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. 666 с.

Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928) / подгот. текста, послесл. и прим. Ж. Нива. Париж: Синтаксис, 1991. 287 с.

Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 372 с.

References

Andrey Belyi o Bloke. Statii. Dnevnik. Rech [Andrei Bely about Blok. Articles. Diaries. Speeches] Moscow: Avtograf, 1997. 606 p. (In Russ.)

Belous V.G. VOLFIILA [Petrogradskaa Volnaia Filosofskaia Associacia]: 1919–1924 [VOLFIILA [Petrograd Free Philosophical Association]: 2 vol. Moscow: Modest Kolеров i «Tri kvadrata», 2005. Book One. 842 p. (In Russ.)

Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie [Library of A.A. Blok. Description.]. Leningrad : BAN, 1985. Book 2. 417 p. (In Russ.)

Gorkii M.. Polnoe sobranie sochinenii.: Khudozhestvennye proizvedeniia [Complete Collected Works: Artistic Works]: 25 vol. Moscow: Nauka, 1973. T. 17. 634 p. (In Russ.)

Maksimov D.E. Kriticheskaia proza Aleksandra Bloka [Alexander Blok's critical prose]. Blok's collection. Tartu, 1972. P. 28–97. (In Russ.)

Poletaev E., Punin N. Protiv civilizatsii [Against civilization]. Peterburg: 4th State Printing House, 1918. 138 p. (In Russ.)

Primochkina N.N. A. Blok i problema «mechanizatsii» kul'tury (1918–1919 gg.) [Blok and the problem of «mechanization» of culture (1918–1919)] // Izvestia AN SSSR. Seria literatury i iazyka [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR]. T. 37. 1978. N 2. P. 157–167. (In Russ.)

Primochkina N.N. Filosofsko-asteticheskie kategorii «kul'tura» i «civilizatsia» v interpretatsii A. Bloka [Philosophical and aesthetic categories of «culture» and «civilization» in the interpretation of A. Blok. Blok] // Shahmatovskii vestnik: materialy Blokovskikh konferentsii «Stichia i kultura» (2008) i «Blok i Italia» (2009) [Shakhmatov's Bulletin: Materials of the Blok Conferences «Elements and Culture» (2008) and «A. Blok and Italy» (2009)]. Moscow: Nauka, 2010. P. 46–53. (In Russ.)

Rykov A. Mezhdru konservativnoi revoliutsiei i bolshevizmom. Total'naia asteticheskaiia mobilizatsia Nikolaia Punina [Between Conservative Revolution and Bolshevism. Total Aesthetic Mobilization by Nikolai Punin] / / Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2016. N 4 (140). P. 240–258. (In Russ.)

Fedin K. Aleksandr Blok [Alexander Blok] // Kniga i revoliutsia [Book and revolution]. 1921. N 1(13). P. 23–25.

Chukovskii K. Dnevnik. 1901–1929 [Diary. 1901–1929]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991. 541 p. (In Russ.)

Shpengler O. Zakat Evropy [The decline of Europe]. Petersburg; Academia, 1923. T. 1. Is. 1: Prichinnost' i sud'ba [Causality and destiny]. 212 p. (In Russ.)

Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. T. 1 : Geshtal't i deistvitel'nost' [Gestalt and reality]. Moscow: Nauka, 1993. 666 p. (In Russ.)

Shteinberg A. Druzia moich rannich let (1911–1928) [Friends of my early years (1911–1928)]. Paris: Sintaksis, 1991. 287 p. (In Russ.)

Yurganov A. Renessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma [The Renaissance of the Individual in the Fate of Russian Modernism]. Moscow: Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2018. 372 p. (In Russ.)